

Мұрат
Ауэзов

УЙТИ, ЧТОБЫ ВЕРНУТЬСЯ

10/VII.1978 г. Не хочу уходить в воспоминания, но кое-что вспомнить придется. Мне было восемнадцать, когда скончался отец. В Кунцево, в последние дни перед операцией, он написал два письма своим друзьям в Абаевском районе Семипалатинской области. Письма эти хранятся в архиве матери. Одно из них полностью приведено в книге Камена Оразалина «Путешествие к аулу Абая». Отец обращался к близким себе людям, чтобы они показали мне места, где прошло его детство. Мне же наказал вести дневник и прочитав записанное во время встречи на Иссык-Куле. Он умер, и встреча не состоялась. Через два года я поехал по казахским аулам, но не по северным, а по южным, и не один, а в числе студенческого коллектива «Жас тулпар». Кто знает, как сложилось бы мое отношение к казахской действительности, если бы не ранняя смерть отца?! В последние годы он не только опекал, но и пестовал меня, как волк волчонка. Предостерегал против Гегеля, но, помню, не без гордости, шутя и смеясь, рассказывал вошедшей в гостиничный номер В. Панковой: «Вот, беседуем о Гегеле». Я думаю, породу он во мне предполагал, и учил не хватке, а мудрости жить. Продлись школа подольше, вошел бы я в жизнь надежно защищенным, подготовленным. Слова его всегда производили на меня сильнейшее впечатление, и кратчайший курс внушений, безусловно, возымел бы действие. Но именно это, похоже, не входило в расчеты судьбы.

Остался я. Без труда овладевал китайским, английским, турецким языками и прочими премудростями, преподносимыми в стенах Института восточных языков. Много позже, пройдя стажировку в Институте народов Азии и став аспирантом Института мировой литературы, я понял меру убожества своих преподавателей в сферах гуманитарной теории. Но в одном им нельзя отказать – то были настоящие знатоки языков и стран Востока, достойные представители милитаристского ядра советского востоковедения. Свообразным было обучение в институте – ежедневный многочасовой тренинг в языке с особым нажимом на военную лексику и так называемые лекции по специальности: истории, филологии. Трогательная в своей полнейшей историко-филологической беспомощности эмпирика разрозненных фактиков. Но в живых, непосредственных рассказах вчерашних ведомственных переводчиков, волею обстоятельств занявшихся преподаванием, все же пророс-тал Восток, ощутимо, зримо, пахуче. Помнится, я говорил отцу, что главным военно-политическим противником Советского Союза в ближайшие годы станет

Окончание. Начало в №№1, 2, 2023.

4
 Китай. Этому не учили преподаватели. Вряд ли они сами домысливали до конца то в своих отрывочных сведениях, что позволило мне со свойственной в те годы категоричностью прийти к однозначному выводу. Пророчество не бог весть какое дальновидное, но было это в начале 1960 года, когда идейно-политический горизонт советско-китайских отношений еще мало кому представлялся грозовым. Во всяком случае моему отцу государственные связи с Китаем, по всей видимости, казались достаточно устойчивыми и прочными. Иначе зачем бы он так настоятельно требовал от ректора института, чтобы определили меня в группу китайского языка? Действительно, зачем? Он знал прекрасно и не раз говорил о том, что знание китайского языка необходимо для изучения истории казахов. Однако не особенно возражал, когда я уже на первом курсе выбрал филологическую специализацию. Да и не припоминаю я каких-либо слов его, которые говорили бы об определенном намерении именно меня видеть историком казахов со знанием китайского языка. Так все же почему Китай? Уважение к культуре, к истории, к величию народа? Был ли подтекст – антиномия Россия – Китай? Нет, скорее всего, нет. Это я сейчас уже домысливаю. Ведь вначале хотел он, чтобы стал я арабистом. Мирного востоковеда хотел он видеть в моем лице. Устроенного, с перспективой званий, хороших окладов. Безмятежного функционера гуманитарии. Впрочем, к чему гадать?.. Побуждения его были искренни в своей благожелательности и доброте.

Мои первые студенческие годы выпали на период, имевший далеко идущие последствия для всей советской культуры. XX съезд КПСС. Критика культа личности. Снятие «железного занавеса» (иллюзия). Выставка МОСХа*. Политехнический музей. Стихи на площади Маяковского. Песни Окуджавы. Сказки Шварца на сцене Дома культуры гуманитарных факультетов. Группа Скопа**. Новогодняя ночь 1961 года – ночь напролет стихи Олжаса в его собственном вдохновенном исполнении. Вызревало инакомыслие. Выставки Малевича, Кандинского, Фалька. Формировалось мое инакомыслие.

Готов был к восприятию всего этого, поскольку оно высвобождалось после Культа. Я же сам рос в семье репрессированного казахского поэта. Мое отношение к Ильясу Джансугурову и его детям воплотилось в формы патриотизма. Объективное основание – колонизованный, поправанный в своих правах Восток, с которым знакомился ежедневно в стенах института, в которых, в то время, витал, господствовал дух милитаристского, неприкрыто-шовинистического востокознания.

«Жас тулпар». Казахи. Башкиры-татары. Запрет вечера московским горкомом партии. Выбор – определение пути. Аулы. Поездки зимой и летом. Наш энтузиазм и болото инстанций. Созревает мысль – необходимо все брать в собственные руки.

Семинары по проблемам Казахстана. Доносы. Переход от практической к теоретической сфере. Люди теоретической сферы.

Алма-Ата. Вечер Махамбета. Конференция. Кочевье. Прозорливость ЦК.

Маразм культуры. Что делать? Политическое ожесточение.

Уехать? Нет! Здесь, на этой земле вести бой.

История – Земля (горы, степи, воды) – духовная элита (аскеты).

Здесь, в этой комнате, пройти весь путь.

Нет иных комплексов, кроме комплекса души.

* Выставка Московского отделения Союза художников, вызвавшая разгромное выступление Н. С. Хрущева.

** Группа Ю. Скопа – диссидентский кружок студентов философского отделения МГУ.

Да, конечно же, мне чужд язык письменных слов. Привычен и близок живой свет слов устных. Читал немало и написал кое-что, но так и не сумел полюбить слово, фиксированное знаком. Разница между устным словом и письменным видится мне такой же, как между Творцом и священными книгами.

ГЛАВПОЧТАМТ

8/IX.1978 г. Исторические романы И. Е., А. А.* и т. п. следует рассматривать главным образом в плане решения казахской литературой 60–70-х годов проблем историко-культурной преемственности. Преемственность в этом случае – ключ к пониманию и содержания, и специфической формы этих произведений.

Мы научились связывать воедино разрозненные части (разъятые историей и в нашем сознании) реального целого, и это – новый основной ключ в поэтике нынешней художественной литературы, шире – культуры в целом. Это стиль целого периода развития. В непрерывном изменении, развитии культуры все же есть периоды, подводящие некий главный итог состояниям предыдущего развития. Умение связать – из их числа.

Поразительно бездумье, властвующее в словесном творчестве современных казахов (в том числе и пишущих на русском языке). Импульсы, попытки есть – но вразброс, в случайных направлениях. Именно в этих случаях убеждаешься в том, что есть истина, отпущенная на те или иные периоды развития. И как только мысль обходит ее, она тут же проваливается в пустоту, бьется тщетно, безрезультатно. Истина эта вполне объективна и настоятельно требует обращения к себе, и мстит жесточайшим образом, когда интеллект ее избегает. Истина в наших условиях – прорыв к суверенности мышления, обретение способности мыслить деятельно, преобразующе, в масштабах исторической судьбы народа. И средства – кочевье, прошлое, представление о будущем – ненадуманно. Это критерий продуктивного мышления. Кто этих средств избегает, тот уходит от жизнеспособного слова и впадает в маразм словоблудия.

Одно из неперемных условий возрождения роли слова (возвращение силы слову) – выпадение (выход) из условностей чужого (чуждого) времени. Необходимы параметры – продуманные, аргументированные, трезво выверенные – современного национального времени.

Национальное время неизбежно антагонистично государственному. У входа в национальное время мы должны оставить иллюзии компромисса с господствующей системой и существующим государством.

Обездушенное, оболваненное, непрерывно, бесцеремонно подавляемое самосознание казахов обретает себя в национальном времени как жизнеспособное, продуктивное, суверенное, гуманистичное и общечеловеческое, по существу, сознание.

Сложившийся характер человеческих отношений, стимулируемый фактом существования этого типа государства, плодovit различными формами агрессии против нравственного сознания личности. Из многообразия этих форм можно выделить две крайние: тривиальную и экстремальную. Первая приводит к перерождению личности хладнокровно рассчитанным поощрением норм и запросов

обыденного сознания. Нищенские по существу, но ощутимые в сравнении льготы и преимущества, даруемые безропотным, лояльным и – в большой мере – активным функционерам общества, формируют массу банальных случаев перерождения бывших гордо мыслящих.

В казахской среде, пережившей катастрофические потрясения в недавнем прошлом, этот фактор в большинстве случаев действует безотказно. Инертные, в силу особенностей национальной психологии, в плане карьеристических или финансово-деловых предпринимательств, современные казахи, тем не менее, охотно, на лету хватают подачки и верно отрабатывают льготный кусок, объясняя в товарищеском кругу, что «главное сейчас» вырасти количественно, взрастить детей. В среде бывших жастулпаровцев такого рода чадолюбие пустило прочные корни. К числу тривиальных форм (м. б., в основе их) относится элементарный страх. Трусость, объясняющая себя необходимостью сохранять осторожность. Случаев более, чем достаточно. Расплата – банальное «очеловечивание» бывших некогда крылатыми.

Экстремальная форма – отчаяние, рожденное ощущением безысходности. Следствие: алкоголизм, самоубийство (в последнее время факты самоубийства участились в казахской интеллигентной среде настолько, что уже не могут восприниматься как случайность, требуют осмысления), отказ от святых и незыблемых человеческих ценностей (рецидивы детоненавистничества, нежелания «продолжить себя в сыне»).

... [одно из средств терапии – терапии подвержены прежде всего и прежде всего подлежат экстремальные формы – дать выход отчаянию, выплеснуть его вовне: обрести реально осязаемого врага].

Вот и нащупали, Сариев, в осеннем нашем движении нечто важное – снять анонимность с репрессивных сил, циничное и неутомимое давление которых мы оба с тобой так хорошо ощущаем. Мы отказались от знания, и нелегко нам будет ощущаемое уловить в ясных для других словах. Уточним: отказались не от знания, а от той его гуманитарной разновидности, с которой имели дело немало лет в стенах академических институтов. Бог свидетель – не академизм знания чуждым оказался нам с тобой. Историческое и логическое близки нашему разумению, и мышление на ниве знаний было бы отрадным, когда бы не унижительный спекулятивизм его в условиях жесткой идейно-политической детерминации.

Прощай, гуманитария, приветствуем тебя, свободный дух! Не обременим тебя понятиями, нашедшими убогий приют в коридорах власти. Ты принесешь свои слова – возвышенные, пронизательные, проникновенные.

11/IX.1978 г. Вчера был воскресный день, и мы – по обыкновению, хотя и не часто осуществляемому, но устойчивому – в составе приблизительно десяти человек выбрались в горы. От Медеу через Кок-Жайляу спустились в санаторий «Ак-Кайын». День шли: большие затяжные подъемы, крутые спуски. Участники – бывшие жастулпаровцы и трое из «Арая», да еще дети, прекрасные ходоки, но требующие к себе немало внимания.

Красивы наши горы осенью. Но притупилось восприятие. Красоту скорее понимаешь, чем чувствуешь. Изредка донесется смолистый запах хвои – и все: обоняние ничего не улавливает более.

Весь день провели вместе: вялая информация в прежнем ключе, несколько смешных историй, намеки на то, что есть о чем поговорить, несколько гладких, ритуальных фраз – вот и вся беседа. Общение вырождается.

Прежде имело духовный смысл, теперь – физически-оздоровительный. В чем дело? Возраст? Разные специализации? Факторы разложения, депатриотизации?

«Неформальная инициатива» наших юношеских лет питалась побудительными мотивами непроясненного свойства. В годы нашего теснейшего единения мы, по существу, были наиболее чуждыми друг другу, ибо каждый действовал, побуждаемый собственными мотивами. Похожими внешне или без труда сводимыми к некоему сходству, в основе которого были энтузиазм, активность и т. п. без определенности – во имя какой цели. По мере углубления обнаруживаем разность, но уже привязаны друг к другу привычкой общения и не расстаемся, хотя и осознаем взаимную мировоззренческую отчужденность.

«Не имей дела с людишками, обратись к титанам. С людьми будь добрее, не политиканствуй, будь глубже и выше сиюминутных страстей, обид и радостей» – много подобных слов наговорил мне Калжан, суммируя и символизируя свои пожелания во фразе: «Стань доктором!»

А мне вспоминается фраза М. Фриша: «История... творится только в судьбе отдельного “я” – и нигде больше».

Это отдельное «я», взятое на собственном примере, оказывается настолько же сложным, как и любое другое «я». Переплетается в нем все историческое бытие человека. Весь вопрос в том, в какое число концентрических кругов, описывающих нас, мы сами себя, своим интеллектом и собственной волей, вписываем. Можно быть «я» круга первого, эмпирического. Но можно, оставаясь «я», одновременно ощущать и понимать себя в эпицентре гораздо большего числа кругов: к примеру, «я и семья», «я и место моего жительства», «я и поколение», «я и государство», «я и народ», «я и история», «я и планетарное будущее» и т. п. и т. д.

В стиле писаний о Сариеве эти круги должны ощущаться столь же отчетливо, как и ненавязчиво. Присутствие их должно быть органичным. Это сообщит необходимую широту дыханию и позволит выходить из тупиков, в которых неизбежно застреваешь, как только не умеешь включиться в новое измерение другого круга.

Вот удобное место для письма – Главпочтамт. Перу стремительно бежать по листу бумаги – здесь естественно. И слова должны являться особые: адресованные близкому, хорошо известному человеку, слова проникновенные, ответственные, с надеждой и верой в преобразующую силу свою.

Сариеву здесь удобно, и запах канцелярского клея ему приятен. Гул голосов, перестук почтовых машинок – ему не мешают. И писать стоя – здесь принято, и никого эта привычка Сариева не шокирует.

«Читают», – убежден Б. Д.* и приводит в пример студенчество. Студенчество (евреи читают специальную литературу, русские – что модно, казахи – все, что в «Жулдызе», «Жалыне» и т. д.) получает образование. Филологи и историки, разумеется, что-то читают. Но вот возвращаются они в аул и читать перестают. Потому что вкус к постоянному чтению прививают настоящие творения, а не тот суррогат, с которым интенсивно знакомятся они в студенческие годы.

Современные аульные казахи литературу не читают. Прошла пора просвещенческого энтузиазма. Образовались грамоте, но опираются на устное слово.

* Б. Даримбетов – преподаватель исторического факультета КазГУ.

Устное слово имеет решающую силу. В условиях разветвленной и достигающей большинства казахских населенных пунктов радио- и телесети слово найдет в казахских селениях благодатную среду. Но это – в будущем.

А сейчас – печатное слово не привлекает казахов. Обходятся без него, опираясь на древнюю традицию культа слова устного. Кто же читает казахских писателей? Удивительно, что тиражи казахских журналов и книг высоки, и многое расходуется. Не стоит ли за этим подспудное, не всегда осознаваемое желание поддержать литературу из престижных соображений, из своеобразного чувства патриотизма, когда поддерживается форма и игнорируется суть?

Многое дал бы социологический анализ: что читают в аульной среде. Но и так ясно: знают имена писателей (получивших признание, славу, премии и т. п.), иногда – названия книг, и в редчайших случаях – их содержание. Главная причина – девальвация слова. Нет нужных слов. Все опреснено, вытравлено, обездушено, слащавость, пустота, робость, тривиальность сюжетов и образов.

13/IX.1978 г. Вчера весь день был занят традиционной осенней ревизией своих бумаг. Это полезно: вспоминаешь себя, опредмеченного в записях, набросках, публикациях, переписках. Обнаружил добротню обработанный материал по памятникам древнетюркской литературы. Намечены выходы, уловлены параллели с «Гильгамешем», поэмами Гомера, со средневековой и современной тюркоязычной литературной традицией. Короче, готовый материал для написания докторской диссертации.

Если учесть, что там же, в кипах папок, есть и собственные конспекты теоретической литературы по проблемам преемственности, взаимосвязей литератур, становится очевидным, что основа для докторской вполне достаточна. Видимо, потому утренний сон был полон грез о социальном благополучии, официальном признании с цветами и рукоплесканиями.

Но тут же, в момент пробуждения, стремительно, как это может быть только в своеобразных измерениях перехода от сна к бодрствованию, пронеслась в сознании, отчетливо в каждом пункте аргументированная, вереница мыслей-воспоминаний о собственном биографическом прошлом.

Причина сегодняшнего отказа от докторской диссертации – ушел из академического института, причина ухода – идея кочевья, причина крамольной идеи – в «Жас тулпаре», причина «Жас тулпара» – в условиях формирования моего юношеского нравственного сознания (семья репрессированного поэта). Нынешнее состояние мое довольно жестко детерминировано предыдущим. Важно то, что ни в одном из отмеченных переходов из состояния в состояние я не поступил с совестью, не мельчил, сохраняя в себе нечто устойчивое, требующее жертв и лишений, но проясняющее душу и укрепляющее разум. Тусклый, тяжелый блеск граненого штыка напоминает мне эта неумолимая историческая предопределенность.

Я не мог быть другим. Все другие жизненные варианты привели бы меня к самоистреблению. Сгорбленная, свернутая в компромиссный узел духовность привела бы меня к катастрофе. Инстинкт самосохранения водил моей рукой, раздававшей щедро, без остатка, все наличное, не дрогнув ни разу, подписавшей множество бумаг, разлучивших меня с бременем материальных льгот. Я буду писать и о литературе древних, средневековых и современных тюрков, но без оглядок на каноны современных исследователей. Все это – мое, современного

тюрка, достояние, наследство, право на которое узаконено за мной моим жизненным путем. И обращаться с ним я стану бережно, как рачительный владелец, и непосредственно, как истинный хозяин. Точнее: тюркское духовное наследие – это я в прошлом, а сегодняшний я – это тюркская духовность, прокладывающая и утверждающая свой путь в современности. Нужна ли нам д. д., Калжан?

15/IX.1978 г. Время бежит так стремительно, что возникает серьезная необходимость указывать не только день, но и год. Несколько предыдущих лет промчались так быстро, что и не верится, не хочется верить, будто позади уже годы элементарных, малопродуктивно-определенных попыток выйти из оцепенения. Есть все основания порицать себя за долгое молчание, но и не возблагодарить судьбу за решимость и определенность, обуявшие меня в итоге, тоже нельзя. Мое молчание иного свойства: предгрозовая тишина.

Вчера в единый миг национального времени промчались девять часов нормированного. Девять часов общепринятых сидели мы в застолье с Б. Д., нетронутым остались блюда и напитки, только дымилась сигареты и чай – напряженнейшая беседа.

Эрудирован, большая сумма систематизированной информации. Естественно сочетает казахскую и русскоязычную стихии, культуры, знания. Дорожит тем, что возвышает гордость современного казаха, крепко держится за эти ценности, защищает их корректно, но цепко, настойчиво, привлекая логические и эстетические аргументы. Допускает простор в оценке факта, явления видит многосторонне, по крайней мере, две стороны в каждом отдельном явлении. Видит черное и белое, но... заметно метафизичен...

Любое государство по природе своей (и, разумеется, тоталитарное как апофеоз идеи государства) склонно внедрять в сознание своих граждан метафизическое видение мира. Другой вопрос, в какой мере оно осознает свои исконные интересы, и третий – в какой мере оно вуалирует их, умеет ли делать хорошую мину при плохой игре.

Наше умеет отстаивать свои интересы весьма эффективно, внедряясь с помощью большого набора привлекательных и действительно сильных аргументов в самые глубины сознания своих граждан. Массовая обеспеченность питанием, работой, здравоохранением, образованием и рядом других социальных благ внушает ощущение небывалого достижения, и человек смиряет в себе личность, готов приветствовать долговременность достигнутого состояния. Уже не переделывает, а объясняет, интерпретирует мир. Здесь корни и почва метафизичности взглядов и разумений. Идеологический и пропагандистский аппараты следят за тем, чтобы мысль оставалась дробной, разъясняющей, иллюстрирующей и ни в коем случае – целостной, диалектичной, концептуальной, преобразующей.

Многосторонне одаренная личность Б. Д. Но в искреннем и достаточно глубоко, знающем мышлении своем остается в позиции сидящего на двух стульях. И потому больше полагается на естественное течение событий, оно-де все положительно разрешит, и отыскивает, кропотливо, проявляя большую заинтересованность и незаурядную наблюдательность, тщательно отыскивает все, что в своем наличии, в сумме, в ходе естественного развития приведет к 20-миллионному казахскому народу в начале XXI века, народу со своим суверенным политическим статусом («казахская социалистическая республика»), со своим не последним

голосом в решении международных проблем. Б. Д. знает и исходное, знает факты современности (удобно для своей концепции подобранные), знает некоторую абстрактно-положительную цель в будущем. Но – как привести все это в систему движения, достижения, преодоления барьеров и разрешения проблем – этого он не знает и не проявляет желания об этом задуматься. Или говорит: «Дайте мне реальное министерство иностранных дел и собственный монетный двор, и я отвечу на ваши вопросы». Вопрос в том, как заполучить то, что для него исходный момент в решении задачи. Говорили долго и многообразно, во многом сходились без труда, но зазор, щель давали о себе знать.

Суета с обратным знаком бьется в написанном тобою. Напрасно ты не суеверен. Избавил бы себя от многих неурядиц. Торжественно, напыщенно играя фразой, ты обещал: к весне напишешь нечто. И давил словами близких. Из уважения к тебе опущены их взоры, чтобы скрыть неверие в твои слова. Так долго обещал и так красноречиво, но дни идут, проходят годы. А ты все так же велеречив. Уменья твоего слова вязать хватает лишь настолько, чтоб обещать торжественно... и ложно (Сариев).

Молчание – одолеть молчание. Из-под наваленных камней молчания факты извлекаются раздавленными, расплюснутыми. Слово знобит и лихорадит, когда оно касается их. Как можно не кричать о голоде 30-х, и возможно ли спокойно говорить о пышущих здоровьем дебилах с усохшими мозгами, задающих тон всему в этой жизни, полагающих свой психофизический статус – нормой?!

Вот возможная позиция – ощутить себя доверенным лицом хаоса в его противостоянии космосу. Почему не природа? Потому что природа (деревья, камни и т. п.) ограниченнее времени. Хаос – стяжение времени и пространства.

Боль, позор, унижение хаоса.

25/IX.1978 г. Случилось печальное и удивительно. С. А.* долгое время намеревался отблагодарить учителя своего – А. М.**: вывезти его за город, устроить хорошее угощение и проникновенную беседу. И получил согласие А. М. В ночь, предшествующую поездке, автомобиль С. А. разбился вдребезги, упав в глубокую яму. Стяжение фактов настолько поразительное, что трудно избавиться от мысли о вмешательстве судьбы, о символичности этого события. Я истолковал так: «Отпусти на все четыре стороны водителя, кончай со своей автоэпопеей, займись докторской или чем-нибудь еще, продуктивным для духа». И соглашается Сабит, и протестует. Аргумент протеста – «Ведь я не один! Дочь завтра спросит: “Папа, а где наша машина?”»

29/IX.1978 г. Вчера был день, в который 81 год тому назад родился М. О. А. Ничем особенным вчерашний день примечательным не был. Ко мне ушедший является не в дни своего рождения, а ежегодно 27 июня – в день своей кончины.

Ничем особенным вчерашний день не отличался, кроме, разве, чуть более обостренных размышлений по поводу дальнейших дел и поступков. Возник соблазн податься в Институт литературы, куда приглашает А. Ш.*** («в любой день») на

* Сабит Акатаев – историк, философ, культуролог.

** Академик Алькей Маргулан.

*** Ади Шарипов – писатель, ученый, директор Института литературы АН КазССР.

должность снс. В последнее время оказался в безденежье, отсюда и шевеление фантазий, где бы подработать. Отчетливо и влекуще созрел было план обращения к А. Ш. Но столь же ясно и предупреждающе резко прозвучал иной голос: за тем ли был пройден весь предыдущий путь?

Главное дело – записи, аналогичные этим, исполняемые не то чтобы регулярно, но массивами, большими кусками целого. Это основное дело жизни.

Сегодня набросал примерный план, точнее, сделал прикидку – на чем сюжетно свести воедино записи.

Наметил три пункта, в которых диалоги М. и Сариева будут происходить:

1) рабочий кабинет в здании Союза писателей (конкретное время, живые и реальные служебно-официальные отношения, срез сегодняшнего дня казахской творческой интеллигенции);

2) здание почтамта (движение в пространстве; Алма-Ата – и широкий мир от аула до Дели, Анкары, Пекина, Гаваны и Лос-Анджелеса);

3) моя однокомнатная квартира с видом на искореженную гору и проспект Фараби, по которому мимо КазГУграда ездит к себе на дачу член Политбюро. Здесь многосторонний и многомерный выход. От индивида с его неповторимым душевным миром до исторических эпох, включая эру пророков и бред о Новом Туране.

Предугадываю возможности связей, переходов, но не хотел бы устанавливать их по заранее сконструированной схеме. Возлагаю надежду на суверенную жизнь стиля, которому (хочется верить) не чуждыми будут ассоциативность, органично-прихотливые капризы, мудрая нелогичность и целеустремленная непоследовательность.

Будничное («с отсутствующим видом») повествование должно сочетаться с взрывами экспрессии, полемической яростью, пророческим бредом. Иступленная жажда «истины» – с трезвым пониманием ограниченности возможностей – собственных, своей ситуации и своего времени.

В контексте обрести право естественного перехода от «я» личностного к «я» больших концентрических кругов. И каждому из «я» предоставить возможность говорить своим голосом.

Что там говорил Мурат Гильманов о «нулевой» точке в системе отчета?

В котором из трех пунктов разместится в конечном счете «нулевая» точка?

В атаке или в обороне «нулевое» «я»?

М. полагает, что смысл этих писаний в обретении собственного равновесия с миром.

С. дерзит, иронизирует и убеждает: слезливо-жалостливое самокопание никому не нужно и заведомо обречено, только бой, атака на выявленного, рельефно очерченного врага имеют смысл, и только это продуктивно в творческом плане.

Неуютно в одежде, в доме, в обществе – неуютно. А дождей в этом городе все нет и нет, снова, как и в прошлые годы, будет пыльно-холодная осень, с – враз – переходом к холодной зиме.

Где я? Чем занимаюсь? Глупейшим делом встреч и провожаний гостей... Швейцар СП. Семейное дело сыновей Фатимы? Кошмар!

Сегодня впервые (по TV) услышал, как говорит Т. Мынбаев. Хорош: крепок и вдохновенен, выразительно говорит и полностью господствует в своем оркестре. Чуть-чуть был ироничен и подчеркнута артистичен. Потому, видимо, что в Алма-Ате, в этой среде, популяризировал мюзикл Бернштейна «Вестсайдская история».

В этом клубке не сложно разобраться. Одно безусловно – могучий жанр музыки своих людей окрыляет. Слову хуже. Аскар крепок тем, что не только словом, но и музыкой живет.

Сегодня я слушал по киргизскому ТВ Чингиза (торжества по поводу вручения Героя). – Слову хуже. Слаба его речь, усечен полет мысли. Благодарил он ЦК (сказал, правда, ЦК Киргизии – но это крохотная дулька в кармане, не более) и лично Усубалиева. Слаб, плохо слову. Подверженной коррозии в руках крепкой власти

2/X.1978 г. Вчера был на новоселье у С. Абд., собралось много бывших сокурсников-геологов в возрасте от сорока до пятидесяти лет.

Много говорили о дружбе. И пел – артистично, красиво – Володя Егоров. Хороший голос. Но песни все с «клубничкой». То – поколенческое. Среда от него хотела этих песен, и он поет их много лет. Совершенно разрушен ритуал застолья. Без мысли, без добрых чувств. Откровенно глупая пьянка. Шустрят словами бойко и не без юмора. Мне это чуждо.

Это люди «до – Окуджавы – Высоцкого – Галича и Кима», лишившиеся, к тому же, Сарыма. Мещанство и чистота духовная уживаются мирно в них. Люди августовских, яблоком пропахших алматинских ночей конца 50-х годов. И они возлагают груз главный на детей своих. Есть неплохие черты характера и поступков, нет – мировоззрения.

Слушал их и вспоминал Маркузе. Его мысли о тоталитарном государстве и судьбе индивида в нем – точны, актуальны для нас.

Слова из «Ай-Кап»:

- 1) мне мало тоста, мне нужна полная власть;
- 2) в ответ на реплику «ты – критик» (с оттенком «критикан»): да, критик – не по профессии, по природе своей.

«Критик» в нашей ситуации равнозначно «Человек думающий».

4/X.1978 г. Перебирая старые записи, не перестаю удивляться одному обстоятельству: нынешний настрой ума и души устойчив вот уже много лет. Нет эволюции, развития? Не думаю. *Некогда, давно уже, нашел и, в принципе, исчерпывающе сформировал свою жизненную позицию: уход из-под диктата и сублимации государства, в котором проходит моя биологическая и сознательная жизнь.* Никогда не смогу смириться с тем, что оно вынуждает со(вре)племенников **молчать** по поводу самых сложных событий этнической истории.

Логическое понимание преступности молчания дал Маркузе, художественное – Т. Манн. Эти две фигуры оказали на мое формирование влияние гораздо более глубокое, чем я о том подозревал, особенно – Маркузе. Время от времени перечитывал конспекты его работ, вижу, как глубоко он внедрил в мое сознание. Тезисы его для меня не устаревают. Его суждения о тоталитарном государстве, об одномерном обществе и одномерном человеке, его (с опорой на Фрейд) гениальные терапевтические рекомендации («уйти в прошлое, в будущее» и т. п.) – все это давно уже составило стержень моих критико-литературоведо-культурных исканий.

Мир кочевья с его конкретным историко-культурным опытом нужен был, прежде всего для того, чтобы возродить вспоминающую, а затем и «фантазирующую» способности памяти. Переступить, уйти из-под власти «реального» времени, обрести критерии «национального» времени с надеждой в будущем обрести и само

суверенное национально-современное время – вот основные движущие мотивы во всем, что писал, о чем думал в последние годы.

5/X.1978 г. Кабинет в СП. В «Литературке» вышла статья Ануара в связи с 20-летием афро-азиатского движения писателей. Общие фразы. ААД – не принесло желаемых результатов для казахской литературы. Сегодня должны были приехать японские писатели (трое: Огава, Накада, Хатаяма), но не приехали, но вчерашних хлопотах по этому поводу обнаружили, что на казахский почти ничего не переведено из японской литературы. Движение жестко контролируется Москвой, она платит, она же заказывает музыку. И ей не нужно то, что нам необходимо. Все связи с любой из зарубежных литератур опосредованы Москвой, и когда имеешь дело с живыми (личными) контактами, чувствуешь это особенно остро. Едут ненужные нам. Алекс Ла Гума, Хамиси, Фаиз Ахмад, глуповато социализированные турки и пр., и пр. – все это купленно-просоветские люди. В какой жесточайше-парадоксальной ситуации находится Ануар: борется против «колониализма», «гегемонизма» и прочего как оруженосец и слепой исполнитель ролей, расписанных и срежиссированных самым хищным, бесцеремонным, многоопытным и полным сил колонизаторским государством. Участие СССР в ААД писателей имеет историческую перспективу (еще долго факторы внелитературного свойства будут определять характер и направленность этого движения), но, в этом я абсолютно убежден, не имеют перспективы признания, подлинного уважения среднеазиатские и казахские (советские) представители. Это будет до тех пор, пока не выйдут на арену люди, по всему шву, определленно, бескомпромиссно отделившиеся от «советскости» в ее нынешнем виде.

Олжас там, в Ташкенте, сможет понравиться кое-кому из участников, но не идее солидарности в борьбе против всех форм колониализма, в том числе и советской (русской). Идея серьезней и глубже, чем ее современные жрецы. Плакатность, лозунговость, рожденные как необходимость в ряде нынешних афро-азиатских литератур, оказались близки ортодоксальной лозунговости литератур «соцреализма». Чингиз (уже) – выше и шире, чем то, что может вместиться в художочное русло ААД. Ануар – в самый раз, Олжас... Тезисы требуют развития, отважные заявления – дальнейшей работы мысли и душевной отваги, достаточной, чтобы идти на риск и лишения... аудитория выросла качественно и требует более глубоких суждений – все это создает и здесь, в Алма-Ате, уют. *Временность* русскоязычных казахов хорошо видна на их примере.

Психологический аспект – комплекс маргинальности, скорее, ярче, резче... и... сомнения, робость.

Практические выводы (для М. М.):

- 1) покончить с работой в отделе взаимосвязей;
- 2) попроситься быть консультантом по какому-нибудь из творческих вопросов: критика и т. п.

Опоздал! – Критику отдали Толегену Токбергенову. Уместно, справится. Знающ и энергичен.

8/X.1978 г. Вчера была суббота, и весь день я просидел, перечитывая свои старые конспекты и записи. Временами читал с интересом – немало понаписал, но все – спешно, бегло, «вподготовку».

11/Х.1978 г. Пришел наконец-то сезон дождей и в этот город. Резко похолодало, возможен снег. Последний теплый день (вечер и ночь) был хорошим. Днем серьезно и долго говорили с Аланом*. Его снова потянуло на практические дела: руками вещи ощупывать и в суеде музей экологии Казахстана соорудить. Начал он обосновывать, и вновь (который уже раз!) я поразился объему и качеству его гуманитарных знаний. Посоветовал ему не губить свое время в практических делах. Вещи сейчас отчуждены от нас. И потому, в наших условиях, самый практичный шаг – идеальный. В идеях, мышлении должно совершаться то, чему нет хода в конкретно-материальных условиях. Не смогут аппаратчики с реальностью, материализованной (опредмеченной) в словах идеи, сделать то, что они делают ежечасно с нашими полумыслительными-полуделовыми действиями: не смогут радикально изменить их смысл и назначение. Целостное, не озабоченное крохоборскими «доказательствами» и «аргументами», избавленное от необходимости унижительных подтверждений собственной лояльности, целостное концептуальное мышление – единственное дееспособное оружие в нашей ситуации.

Ясно для меня и то, что это – воистину великое оружие. И как бы мы впоследствии не заземляли этот идеальный мир в интересах своей человеческой программы, он останется ярчайшим и ценнейшим (если иметь в виду исторические масштабы) достоянием движения тюрков 80-х годов XX века к суверенности. Речь, таким образом, идет о создании не программы, нет, а целостной логико-исторической концепции становления, развития и перспективы тюркского элемента в хингано-карпатском прямоугольнике степей.

Что бы ни случилось в этот день, он – замечателен! В автобусе радостно кинулся навстречу мне братишка мой Эрнар. Годы не виделись с ним. Летом был эпизод, опечаливший было меня. Но сегодня – все развеялось!

«Покуда водку ходил покупать, ты уже ушел», – сказал он мне о том случае.

«Когда же мы встретимся, посидим, потолкуем?»

«Послезавтра, в пятницу». Үміш** тяжело заболела.

О «родственных связях» Руси и Поля. Об исламе.

Алан необходимо писать именно в этих масштабах. В противном случае он никогда не сумеет реализовать дарованное ему богом свойство быть мыслителем-воином и блистательным стилистом. Сейчас он пишет, как конь бредет, скованный о четыре ноги. Колоссальный объем информации, высочайшее напряжение души вкладывает в тесный текст, жестко регламентированный цензорами, и страдает, и бьется в конвульсиях... изобретает... подтекст в подвалы снес... а там-то и поджидает его Цензор с ножницами в руках... нет, простор ему нужен. Крылат он, ему нужен простор.

Алан – убедительный пример тому, что «тюрки», «казахи» в современных условиях – понятие не только и не столько этническое, сколько нравственное. Массы единокровцев, которых не назовешь в подлинном смысле слова «тюрками»; и случаи, когда человек совсем иных кровей – истинный «тюрк».

Пункт, по которому Алан согласился со мной.

Осмысливая и изучая историю казахов в эпоху средневековья, мы, разумеется, не можем не видеть реально существовавших кровно-родственных связей славян

* Алан Георгиевич Медоев.

** Младшая сестра Мухтара Ауэзова.

и тюрков. Но акцентировать на этом внимание, вычленять эти факты из контекста совсем другого содержания – мы не должны. Это могут делать гуманитарии славянской принадлежности. Что же до нас, то слишком много легло крови, унижений и т. п. между нами, чтобы сейчас, в нашей ситуации, в положении недвусмысленно колонизованного и попираемого этноса, мы поднимали бы на щит былое эпизодическое родство. Политическое противостояние – главное, что нам предстоит осуществить.

Пункт, по которому Алан категорически отрицал мой тезис.

Ислам – мне враг, сказал я. Бога признаю, но ислам – нет. Прав конечно же, был Алан.

Он тост предложил за безымянных, стоявших за «придворными» Хайямом, Хафизом, Навои и др. «Придворные, они и остались придворными, а Баба-Кухи – как не принимали его при дворе в свое время, так и поныне «дворы» отвергают».

30/XI.1978 г. Вернулся к записям после более чем полуторамесячного перерыва. Что было в промежутке? Ничего-не-делание. Был в отпуску. Лежал днями без каких-либо целенаправленных усилий тела и мозга. Что-то читал. И серьезные вроде бы книги, в том числе – два тома рукописей Гачева, но все, хотя воспринималось, ушло, уходит без следа. Возраст или состояние? Не оседает информация, не закрепляется. Ловлю в себе взгляд зрящий, но не видящий предметов. Опреснел мир, лишился для меня цветов и запахов, чарующих или возмущающих очертаний, звуков. Вялое, заторможенное рефлексирование, соблазнительное, как омут, затягивающее, как трясина. Похоже это сознательное торможение активности на репетицию смерти, окончательного ухода. Нет, необходимо уйти и *обязательно* вернуться! Смерть, разложение воистину бесцветны и дурнопахнущи, и могут быть приняты волонтерски только в ситуациях неизбежности. Почему же сознание, ощущающее в модели смерти ее ужасающую несовместимость с жизнью, мирится с ней в реальности? Нынешнюю казахскую ситуацию недостаточно выявлять как бездуховную и в этом (главном) смысле мертвую. Необходимо проявить очевидность смердящего, антижизненного букета ее реальностей, противопоставить напоминание о живом четкому реальному показу мертвого.

1/XII.1978 г. После славного взлета отца мы (в нескольких поколениях по моей линии) вновь пойдем по миру, как ходили поколения предков – кожа, набирая силу для очередной яркой вспышки. Так нужно истории.

5/XII.1978 г. Калжан в сентябре еще объявил о намерении своем написать серию портретов современников. Решил начать с меня. Велел бороду отпустить – выросла. Долго возился (неделю, не меньше) с поломанным замком мастерской – похоже, настраивался.

И стал ходить я к нему – позировать. Уложил композиционно (пять дней ушло) и – запил, сильно, загульно – много дней. Себя прежнего поймать не смог, отчаялся. Проявилось, кажется, для него то, о чем подозревал в себе – потерю художника. Остались вспышки прежнего желания творить, вспышки – и надлом.

Недавно вечером явились хмельные к Алану. Много дней сидел он взаперти, рукопись книги дорабатывал. Пододвинул листок мне: «Прочти!» Хмель слетел с меня моментально, перечел раз, другой – и ужаснулся. Полнейший абсурд пишет

Алан в одиночестве. Распалась мысль, остался прежний гул, но уже как патетика псевдотюркского толка. Затер себя, перешлифовал.

Один-из-нас бросил мне в лицо: «Ты – параноик, только в национальном вопросе что-то смыслишь».

Дай-то бог побольше таких «параноиков», хотя бы еще одного!

II/XII. 1978 г. Айзек Сингер (если верно расслышал имя), лауреат Нобелевской премии 78-го года, еврейский американский писатель, в интервью акцентировал тезис: писатель должен писать о других, а не заниматься поисками собственного «я». Вспомнил о М. Прусте и иронично заметил: «18 томов о себе – многовато». Настораживают пафос, нажим, с которым он делает свои заявления и которые свидетельствуют, по крайней мере, о полемичности его тезиса. «Все великие писали о других» или «великими стали от того, что писали о других» – вокруг этих положений долго бился Айзек, в коротком своем интервью.

Что же в нашей ситуации?

Люди отчуждены так же, как и вещи. Потому нет в литературе живых людей. Есть некие проекции воспоминаний и представлений, есть типажи, персонажи, но нет живых людей. До тех пор пока, по крайней мере, – в мышлении не произойдут радикальные перемены, людей не будет в литературе. Будут Энелы (нелинейники), похожие на людей, и тем в большей степени, чем сильнее и циничней талант художника.

В нашей ситуации этническое «я» обретает приют и убежище в личностном «я», преобразуя это отдельное «я» таким образом, что оно воистину может стать моделью состояния многих «я». Поэтому писать о «себе» означает одновременно и писать о «других», разумеется, в том случае, если это ищущее «себя» отдельное «я» действительно связало судьбу свою с судьбой множества.

Главное: не до жиру. Речь идет не о литературе и тем более – не о славе и титулах. Выжить – вот жесткий, ребром поставленный вопрос. Выжить этническому самосознанию, чувству национальной гордости.

В начале пути – бунт сознания, и вершится он в мире отдельных «я». На этом уровне действительны не логика со всем ее категориальным аппаратом, не «союзы» умов, а живое слово, раскрывающее всю глубину бунтующего «я», его драму, его озарение, его отчаянный протест. Это слово похоже на литературу, но отнюдь ей не тождественно. Оно живописней беллетристики – оно кровоточит, глубже и основательней логики, поскольку в пограничной ситуации между жизнью и смертью дышит истиной, включая ее и надличностный, трансцендентальный, небесно-божественный уровень. Отвергает декоративную метафору, нуждается в образах как в мостах, переброшенных от сиюминутного «я» к вечному...

Человек приходит в мир и уходит из него – такова реальность, принимаемая разумом. Единственное, что может индивид противопоставить ей, – осуществить в своей жизнедеятельности диаметрально противоположное: уход и возвращение.

Уйти и вернуться – всеобщая, универсальная формула жизни, объективной реальности (для человека и познания). Этим путем идут науки и искусство. Так и до Экклезиаста недалеко. Но у него печаль, элегия и спокойствие. У нас же – горечь, боль, жгучая, нестерпимая боль – откуда?

Если мы слышим голос попираемой в правах своих жизни... если слышим это... и откликаемся на зов, выламываемся из пределов, идем на лишение, обретаем

готовность к жертвенности... если слышим и откликаемся – не говорит ли это о том, что главное в человеке – любовь к жизни, любовь чуткая, как материнский сон, ослепляющая, как обида за брата, возвышающая разум и зовущая к действию, как память. Уметь услышать боль и отозваться – понятие «душа» от того и существует, что категории нравственности не в состоянии объять это свойство, с которого начинается человек.

12/XII.1978 г. Вопрос, который рано или поздно должен со всей актуальностью встать перед казахской интеллигенцией, – отношение к диссидентству и диссидентам. Современное казахское инакомыслие совпадает по времени своего зарождения с русским инакомыслием третьей волны (Буковский, Политехнический музей, площадь Маяковского и т. д.). Критика Хрущевым культа Сталина. Атмосфера кратковременного свободомыслия, предощущения перемен.

В казахской творческой среде обозначилось своеобразное русло инакомыслия – возрождение «вспоминающей» и «фантазирующей» функций этнической памяти. Другими словами, казахское инакомыслие с первых шагов стремилось решать национальные проблемы в национальных масштабах. В этом направлении были сосредоточены усилия здорового ядра национальной творческой интеллигенции. Отсюда – жанры исторической и научно-фантастической литературы, интерес всех форм гуманитарного знания к прошлому, рост числа и качества музеев, этнографических, фольклорных экспедиций, ансамблей и пр., и пр., связанного с возрождением тела этноса. В русском инакомыслии при всем многообразии индивидуальных платформ совершенно явно обозначилась главная тенденция: борьба за демократизацию общественной жизни.

В идеале – казахское инакомыслие боролось за формирование новой национальной действительности, русское – за совершенствование существующей.

Чем недоволен Сариев? – Вопрос сформулирован неточно, некорректно (если пользоваться физматовской лексикой). И все же – оставив в стороне лексические нюансы – против чего протестует Сариев?

Против насилия над его формирующимся национальным самосознанием. Понимая, что это комплекс ощущений, попробуем (в интересах анализа) развернуть их в плоскости.

Возможные (вероятные) группы противоречий:

- 1) национальные,
- 2) личность и партийно-бюрократический аппарат,
- 3) личность и государственная система.

Русские платформы инакомыслия имеют в виду все эти группы противоречий. Рой Медведев акцентирует внимание на 2-й группе, Сахаров – на 3-й, Солженицын – на 1-й (упрощаем!).

Мы занялись первой и до сих пор не касались двух последующих (парадокс, требующий осмысления: наименее симпатичным для нас выглядит А. Солженицын, хотя и занимается той же группой проблем, что и мы).

Сфера, более или менее обозримая для прояснения национальной проблематики, – культура. Локализуем: художественная культура и гуманитарная наука. Это видимо, различимо на глаз, но и, кроме того, здесь бьются душа и мозг национальной интеллигенции (так, возникла необходимость в еще одном уточнении – интеллигенция; учтем, чтобы вовремя сделать поправку).

Итак, объект – труды и плоды казахской художественной и гуманитарной интеллигенции. Период с 60-х до наших дней (! – двадцать лет иллюзий –!).

Фильмы, спектакли, книги, исследования, пластика, музыка, суета «обществ» – все есть. На уровне «и мы не хуже!» – блески, вспышки, прорыв природных дарований. Тенденции – хаотичны, хотя и направляемы материальным и моральным (слава, отождествляемая с премиями, знаниями, возможными знаками отличия) стимулированием.

Чингиза Айтматова (в эти дни идет всесоюзное празднование его пятидесятилетия) в киргизском народе называют «наш жеребенок» – характерно! Слава его сродни славе батыра-борца, стремительного тулпара. Окольным путем пришла она к киргизам. Мир удостоверял славу Чингиза, и они поверили в его величие. Не пророс он изнутри, не взорвал, не всколыхнул собственных соотечественников. Они признали его славу (мудрено ли – на десятки языков переведен, лауреат почти всех возможных премий, обласкан правительством и пр.). Стягают славу себе палуаны и скакуны – народ доволен. Не та нужна нам слава! И не слава нужна, а глубоко осмысленное, прочувствованное признание тех, кто замешанным на крови ведущих слово-действием был бы сотрясен и переиначен. Чингиз – уходящий тип ратоборцев во имя народа. Настало время – новых, отвергаемых, гонимых, истребляемых, но неистребимых, перестраивающих всю корневую систему национальной жизни.

14/XII.1978 г. Кратко сформулированные принципы нравоучительного содержания. Что за жанр – «максимы»? (Вертится слово в голове, навязывает себя. Назойливо предлагает – посмотрим, случайно ли?)

«Вырван из генетического ряда...» Продолжение рода – тема, интенсивно разрабатываемая в казахской, киргизской и (очевидно) других тюркоязычных литературах. Исключительное внимание в своем творчестве уделяет ей Чингиз Айтматов (не только в художественном, но и в публицистике, всевозможных интервью). Исторический жанр в сцеплении с фантастикой – воспоминания о предках с думой о потомках. Короче, чрезвычайно популярна ныне мысль о нерасторжимом единстве поколений. Отец-сын – эта связка незыблема в восприятии художников слова, и это естественно для ситуации, когда усилием воли, воображения возникает физическое тело народа. В нормах традиционной нравственности (в народном сознании, в сознании внимающих) эта связка также свята, незыблема, и какая-либо попытка ее расторгнуть не может не выглядеть кощунственной.

С этим нельзя не считаться, и все же.

Как часто словами об отцовском долге (долге перед семьей) прикрывается уход от полного напряжения, полной отдачи сил. «Я не один. У меня семья, дети...» – в канун решительных действий столько раз отступали с этой отговоркой те, кто и не прочь был на словах осмелиться и подерзнуть. В ситуации растущей конфронтации личности и государства обостряется альтернатива: либо ты с семьей (и, в конечном счете, с государством), либо – один. Возможны ли случаи, когда семья, разделяя твои убеждения, готова с тобою идти до конца?

До сих пор неблагополучие в семье, разрывы, разводы и т. д. воспринимаются нами как личная драма. Необходимо увидеть во всем этом социальный аспект. Своим отношением к семье мы, по сути дела, отвечаем на вопрос о признании или непризнании нынешних форм жизни общества.

Недаром Бог, испытывая Авраама, потребовал от него привести на заклание сына. И привел Авраам Иакова, сына любимого. Мы же всячески оттягиваем встречу с Богом, избираем для себя роль опосредующего звена в цепи поколений, удобно интерпретируем свой личный гражданский долг, возлагая надежды (и тяжкий груз исканий!) на грядущего сына. Не истинно ли другое – отцовский долг исполнен тем, кто с полной отдачей сил исполнил свой гражданский долг? И не об этом ли говорит народный афоризм: не будь сыном отца – будь сыном народа?

В ночь дня, когда сыну моему Магжану исполнилось три года, я увидел сон. Я шел по горной тропе, спускаясь в низины, поднимаясь вверх – и ощущая за спиной дыхание идущего следом малыша. Он шел за мной уверенно, не сомневаясь, не отставая ни на шаг. Горд был я и счастлив.

Не верьте тем, кто скажет: Мурат был лишен отцовского чувства и не любил детей своих. Это ложь тех, кто спрятался в семейный уют и сохранил в нем опасную отвагу.

Прочел две повести казахских писателей, о которых похвально отозвался Өтежан – «Шеткері үй» Әбіша и «Старые друзья» Қажғали. Свидетельствую: нет живых людей в литературе. И не будет в скором времени. Поразительно то, как сами писатели искренне восторгаются написанным собой и коллегами.

С Л. Н. Толстым сравнили Әбіша, адамды құрбандыққа шалуға болады бұл шығарма үшін (это Қажғали об Әбіше). В чем же дело? Почему ликует из-за посредственных вещей? Оттого, что это «выше нормы»? Неужели литературный вкус их сформирован только этой пресловутой «нормой» и ничуть не изменился оттого, что познакомились они с настоящей литературой? Где концы, где начала? Может быть, и не увидели в классике главного по той причине, что не имеют понимания и потребности главного?

15/XII.1978 г. Как Иона в чреве кита, сижу я в здании СП.

Ограниченность «проницательности». В беседе с кем-либо N., как человек проницательный, видит подоплеку слов партнера. Знает о нем кое-что, иногда – немало, выстраивает для себя представление о нем и, слушая, слышит больше, чем тот говорит. Знает, что у него «на уме». Меня подобного рода проницательность коробит. Человек таков, каким он выглядит сейчас, когда говорит. Он весь в звучащих словах. Один и тот же человек многолик, многосущностен. Он может лгать, противоречить себе, но все это различимо и судить нужно по данному, конкретному разговору. Так человек-собеседник интересней, богаче, и разговор содержательней, развивающимся становится. Сегодняшний – уже не вчерашний. Видеть каждый день нового человека в старом знакомом, друге необходимо, полезно, продуктивно. Установка «а, знаю я тебя» обедняет беседу, лишает общение перспективы. И для себя то же самое – глаза твои должны смотреть на мир так, будто и они омыты весенним дождем. Бунт одинокого сознания нуждается в надежных средствах самообеспечения, и свежесть видения – одно из них.

Ну вот, хотел было свежими глазами взглянуть на мир, да мало что получается. Одного из старых друзей попросил подробно и с обобщениями рассказать о своем деле: с чем он вступал в сферу деятельности (чего хотел), что делал, с чем столкнулся. Знаю его давно, знаю чистоту его исходных намерений и честность. Доброжелательно откликнулся он на мою просьбу, не спеша и вдумчиво расска-

зывал, и открылась мне до боли знакомая картина. Государство выделяет большие деньги в их сферу. Но попадают они в чрево все той же машины. Карьеризм начальства, малограмотные, но деловые специалисты, умеющие урвать солидный куш и спрятать концы в воду. Буйное цветение принципа «я – тебе, ты – мне». Бонапартовы начинания карликов-с-властью. Волонтаризм. Бюрократическая волокита. Интерес к делу только у энтузиастов, как правило, не имеющих средств и возможностей организовать и контролировать дело.

В деликатной системе занят друг мой Марат Сембин – связано с историей и историко-культурным наследием. «Знаешь, – сказал он в итоге, – возникает у меня ощущение, что чем хуже мы работаем, тем лучше для тех, кто нас субсидирует». И вспомнил слова некоего генерал-губернатора об архитектурных памятниках тюркской старины: «Чем быстрее исчезнут с лица земли, тем лучше для европейской цивилизации».

Аналогичное было и с эстетикой кочевья в стенах Института философии, где снс и два мнс в течение девяти лет исследовали тему.

В денежном выражении 140 000 рублей. Крошечная группа эстетики съела эту сумму за нулевую продукцию. «Пишите, но печатать не будем».

18/XII.1978 г. Есть в этом городе сто метров тротуара (по южной кромке сквера, что выходит на улицу Кирова – от Панфилова до Коммунистической), шагая по которому, я неизменно, независимо от настроения и степени загруженности заботами, возвышен бываю душой и помыслами. Времени, необходимого, чтобы пройти эти метры, хватает обычно для суждений неспешных и существенных, прямо относящихся к главным жизненным целям. В любую погоду этот тенистый, обсаженный ухоженными деревьями коридор полон для меня мягкого света, приглушенных, слуху приятных звучаний, чистого воздуха, радостно принимаемого полным вздохом легких. Здесь теряют власть надо мной люди и обстоятельства и правила их игры.

Крохотный мир как щель во времени, как теплое душистое объятие матери. У входа в него сброшенными остаются напряжение, изрубленные в куски, раздробленные в клочья доспехи и фраки самозащиты. Остаются со мной чистая пыль Хивы, густо синее небо Алтая и лягушата в теплой воде меркенских озер. Да, это я помню хорошо. Лягушата были первыми живыми существами, в которых я в младенческом возрасте ощутил иное, таинственное, находящееся вот тут же, рядом и в то же время – бесконечно далекое, отделенное плотной, неодолимой завесой. Конечно, были в Мерке и коровы, и свиньи, и птица домашняя – но все это очеловеченное, домашнее, свое. Лягушата были первыми для меня иными, поразившими в то время детское сознание. Сохранилось в памяти: весенний день, на берегу теперь уже полностью заросшего камышом Карасу старшие братья и сестры играют в лапту, я опускаю в теплую, прогретую лучами солнца воду босые ноги, из-под них брызгают в разные стороны крошечные, симпатичные лягушата. Потом уже по прошествии многих-многих лет не однажды вспоминал этот день.

19/XII.1978 г. Никогда не был индивидуалистом ни по природе своей, ни по воспитанию, да и обстоятельства жизни складывались так, что был все время в коллективе, нуждался в нем и умел в нем быть. Сначала – многодетная семья и школа, позднее – студенческий, аспирантский коллективы и общежитие, коллек-

тивы мест моей работы. Да и сейчас, в период своего мыслительного одиночества, остро нуждаюсь в товарищах (и в родных – тоже!), в тех, кто мог бы и праздное время со мной разделить, и деловое. И в записях своих, конечно же, имею в виду некую среду, ради которой стараюсь и вниманию которой предложить написанное собой намереваюсь.

Правда и то, что тянуло меня с детства к «неформальным», неофициальным коллективам. Прежде «Жас тулпара» были «советские» – организованное мной в отнюдь не формальную группу юношество ряда соседских улиц, местом вечернего сбора избравшее скамейки напротив железнодорожных касс по ул. Советской (отсюда и имя наше – «советские»).

Так что же? Взяла верх и стала моей жизненной стезей склонность к деятельности в пользу «неформальных» коллективов? Не следует спешить с опровержениями... Есть в этом что-то. Мне удавалось создавать «неформальные коллективы» (память об одном из них свежа в среде нескольких уже поколений казахской молодежи), координировать (! – о, это сильное, вдохновляющее ощущение лидерства) их действия, намечать цели, задачи и реализовать их совместными усилиями. Сладкая, редкая близость плана и его осуществления, большого плана и наглядно-результативной его реализации.

Такое может пьянить и влечь к себе, меняя в человеке многое, в частности, готовность его жить в предписанных Формой пределах, но это бунтарство (скрытое или явное) само по себе, не имеющее нравственной основы. В моем случае это и сложнее, и проще. Тянулся к «неформальным» группам оттого, что в них была альтернатива формальным, в глубине подсознания (в детстве и юношестве – по мере взросления) ощущаемым (впоследствии – понимаемым) мной как чуждые, враждебные. Клич, случайно услышанный в детстве: «Бабаханы!» (так называли себя братья Бабахановы) взволновал меня, как отзвук, донесшийся из далека, отзвук своего, родного, крайне мне необходимого. Помню, было мне тогда не более двенадцати лет. Тюркское (протюркское) жило во мне уже тогда. Откуда, как – не ведаю, но трепетал я в возбуждении, слыша воодушевляющие вопли ровесников своих Бабахановых в горах, в драках с ингушами и прочими.

В казахской школе, в которой начинал я свое образование, были русские классы. В возрасте с шести до девяти лет мне пришлось участвовать не в одной потасовке плечом к плечу с соклассниками против русских ребятишек, нас называвших калбитами. Более глубоких во времени биографических корней своих антирусских чувств не припоминаю. С четвертого класса учился в русской школе, имел очень славных, очень русских ребят в друзьях. Вместе много доброго сделали, записки девочкам и прогулки с девочками... начинали вместе. Кончили школу – расстались без попыток удержать, восстановить дружбу. В институте, аспирантуре и далее – друзей русских не имел. Институтская среда (милитаристское востоковедение) многое расставила по местам. Там началось сознательное, целенаправленное действие в пользу суверенности казахов (тюрков), независимости от русских. Назвался казахом, полезай в кузов. В том кузове еще просторно, главное, что вынес за десять лет жизни в Москве, – понимание того, что казахскую действительность нужно видеть как целое (1), в движении (2). Мои опыты осуществить свое понимание на попрание критики и эстетики прояснили невозможность делать это в условиях существующей идеологической цензуры. Между тем мысли сложились, требуют развития, оформления

в слове – устраивают мне пытки ужасные. И нет выхода, кроме как, отринув всякую надежду на мирную, благоустроенную жизнь, пуститься в карьер на бесноватом застоявшемся было скакуне.

20/XII.1978 г. Ну вот, приближаются конец года и мое 36-летие. По-прежнему немало поступает предложений написать статью, публиковаться. Привычно киваю головой – согласен-де, напишу, хотя знаю хорошо, что не стану этого делать, не буду писать для публикаций в газетах и журналах. Звонок из общества охраны памятников. Предлагают какое-то почетно-деловое место в секции литературных памятников (с одобрения Олжаса, как объяснили). Нужно, полезное дело, но в русле эволюционной гипотезы развития казахской культуры. Здесь можно многое сделать – знаю по делам и идеалам жастулпаровской поры. Но сам я в своем становлении проскочил эту ступень. Лет десять назад положение моих представлений на объективные обстоятельства (созрела-таки идея охраны, становится практикой!) принесло бы результаты. Но сейчас нет во мне прежнего энтузиазма, остыл душой к эволюционным шажкам, взъерился, злей и категоричней стал в своих духовных требованиях. Случись чудо – получи предложение на любой крупный пост в системе, знаю хорошо, и тогда бы отказался, безусловно, одолел бы вероятные колебания. Зрелость сказывается во мне необычным-таки образом: не научился говорить на языке жизне-быта, ухожу, ухожу от правил его, ощущая в них игру, забаву, мелкую возню. Да простят мне все, кому не сумел и никогда не сумею оказать деятельной, практической помощи. Кабала добрых дел для меня неприемлема так же, как и любая другая форма суеты.

Не ощущаю (и никогда об этом не задумывался) своего духовного предназначения, но понимаю неотвратимость для себя исполнения гражданского, духовного долга.

21/XII.1978 г. «Покажите мне любого бунтаря, подстрекателя черни на вашем предприятии, и я докажу вам, что этот человек не ладил в детстве со своим отцом» (из опусов американских психоаналитиков).

О. С. в «Быть и казаться» обыгрывает эту же тему: не выбирайте в вожди людей, ушибленных в детстве («Гумера лягнула в детстве лошадь, и оттого он ненавистник всех представителей лошадиной породы»).

Наши доморожденные психоаналитики в моем бунтарстве склонны видеть обстоятельства моего рождения в семье Фатимы. Ну что же, в этом есть доля истины. Необходимы уточнения. Впервые я увидел отца в трехлетнем возрасте. С первой встречи до последних дней его в Кунцевской больнице отношение его ко мне было любовным и добрым. Единственный раз омрачилось оно, когда В. Н. показала ему мои письма Эрнару. Гневное письмо прислал он мне в Москву, но то был воистину отцовский, праведный гнев (хотя не во всем он был прав, в частности, пытаясь погасить мое тогдашнее свободомыслие).

Гордился он мной и любил меня. Об этом говорил и друзьям своим. Каждая встреча с ним была для меня праздничной, и не мало было встреч: дома, на Мира, выезды на охоту, в ближайшие колхозы, поездки на Иссык-Куль, дни жизни в Москве (знакомство с университетом и театрами). Старик Ахмет (чеченец) недавно рассказал мне, что слышал, как «Мухтар ругал Лейлу, говорил, ты не должна

относиться к Мурату плохо». Короче, образ отца с детства был мне близок, дорог, не замутнен был какой бы то ни было степенью неприятия. И мать моя, Фатима, очень тактично держала себя в наших с отцом отношениях.

Но рос я в семье Фатимы, вдовы репрессированного поэта. Она пела татарские и казахские песни. Читала вслух Тукая и Магжана Жумабаева. О Магжане была очень высокого мнения. Презирала малодушие, робость тех, кто предавал близких в 37-м, рассказывала о них гневно, брезгливо и красочно. Атмосфера дома ее формировала во мне то, что вошло в мою жизнь как стержень ее духовный.

Все мы в детстве «ушиблены», и этого не следует в себе скрывать. Смотря кто чем. Я «ушиблен» социально. Боль моя многозначна. Попытки снять ее равнозначны попыткам борьбы этнического самосознания за суверенность.

Не печататься и быть в СП – совместимо ли?

Кажется, многие уже привыкли к мысли о том, что я не пишу. Критерий один – «не печатается».

Сказано ли «Союз печатающихся писателей»? Нет, и все же выход (или вывод) из Союза неизбежен.

Ряд писателей проторили тропу для своих книг в московские издательства. Олжас впервые намечает десять печатных листов в «Советском писателе». Многие рвутся в Москве быть изданными. Но то было раньше – если вышел в Москве, значит, славен. Сейчас издают много и совсем не обязательно лучшее. Решает часто личная инициатива и степень близости с И. Е. (консультант СП по казахской литературе). Много себя издает и переиздает Ануар. Жажда увидеть себя опубликованным остра в нем.

«В партии должны быть умные люди, другого выхода нет: нужно изнутри менять качество». «Ждать, пока кто-то спохватится и призовет к делу – бессмысленно. Нужно самому что-то предпринимать. Напиши заявление в партию».

«Нас много, неустроенных. Мой социальный статус зависит от тебя. Войди ты, за тобой многие».

«Рыцарь печального образа – не дело. В одиночестве атрофируются мышцы».

«Если мы не сумеем сделать интеллигентными партийно-государственный аппарат и его практику, расплываться будут наши внуки и правнуки».

«Социализм дает много возможностей. Надо их использовать».

«Время нашего возраста и нашего качества».

Верно, все верно. Но – неприемлемо для меня. Духовность иным путем себя утверждает в мире, что мне «многие», когда и детей собственных я вынужден был от себя отторгнуть. Я не эволюционист, другие цели, другой путь.

26/XII.1978 г. Прочитал «Годы и войны» А. Горбатова («Воениздат», 1965 г.). Крупный военачальник трех войн. Глава «Так было» о репрессиях 37-го года с подкупающей простотой, искренностью. Рык дремавшего до времени чудовища – тоталитарной государственной машины. Беззащитность всех снизу доверху. Жесткость, цинизм «ученых обезьян» на Лубянке, в Лефортово (в тюрьмах), страдания, унижения, перерождение в животных тех, кто обвинен был по 58-й статье. «Уркаганы».

Не число жертв приводит к пониманию абсурдности ситуации. Массовыми были репрессии 37-го года, многими миллионами исчисляются жертвы (Рой Медведев знает цифры). Была иллюзия: чем больше жертв, тем быстрее поймут

нелепость происходящего. По Горбатову, один из заключенных гордился тем, что на три сотни людей подписал ложные показания, действуя по принципу: чем хуже, тем лучше. Ничего подобного: ненасытный молох репрессий изничтожил миллионы и не поперхнулся. Убийства пробуждают кровожадность. Обретают силу звериные инстинкты. Моносистема, монопартийность катастрофичны в проявлениях своей жесткости. Сметают все на пути, не считаясь ни с юридическим, ни с моральным правом людей.

Горбатов написал о том, что видел, и книга его увидела свет. Наши – отмолчались. Возможно, пока приглядывались что к чему, упустили время. Соблюдали верность подписке о молчании.

Были ли среди казахов отозванные к делу репрессированные? Три года в лагерях Колымы провел Горбатов и стал перед войной в числе комсостава. А книгу выпустил лишь в 1965 году. Успел (сумел) вовремя. А что же казахи, были ли в числе освобожденных перед войной? Надо выяснить. Цифры, факты... острейшая в них есть необходимость. Неужели никого из наших период репрессий ныне всерьез не интересует? В чем дело? Все в той же склонности забыть ужасное, неодоленное, забыть, как забыли 16-й год, коллективизацию.

28/XII.1978 г. Когда Рустем Т. предлагает мне вступить на стезю государственной службы и помочь тем самым «лишним», «неустроенным», сколь малую цель намечает он для меня. Помощь нужна интеллекту (и в этом смысле потенциальному и реальному его носителю – целому этносу) – справиться с неслыханной перегрузкой, на которую он обречен, как только начинает прояснять ситуацию, формулировать вопросы и искать на них ответы.

Пришел-таки я на заседание литературной секции Общества охраны.

Собрались человек семь-восемь, судя по речам (длинным, неуместным, но – содержательным), инакомыслящие, правда, эмпирико-эволюционного плана.

3/I.1979 г. Еще один год прошел. Мне исполнилось 36 лет. На дне рождения было несколько человек друзей, родных не было. Все верно: круг общения сужается, вырван из генетического ряда. Правда, 31-го, в канун Нового года, было у меня два-три часа чудесного времени – с сынишкой Магжаном установили и разукрасили роскошную, редкую в алматинских условиях елку. «Дядя Мурат» ласково называл он меня. Речь у него хорошая, осмысленная, четкая. Ночь новогоднюю сдобрил своим присутствием Аскар Сулейменов. Не спеша беседовали, доброжелательно друг к другу, хотя по всем пунктам беседы высказывали противоположные точки зрения. Что такое А. С. вообще и что он в моей жизни? Родом Кожа, это многое в нем объясняет: ценитель слова, обладает музыкальным слухом, музыкальной памятью. Вообще, памяти его могут позавидовать многие. Язвителен и нежен, агрессивен и беззащитен. Очень начитан. Драматург по основному творческому призванию, режиссер человеческих отношений, нуждается в пастве. Ревнив, незлопамятен. Сентиментален, скрывает это большим набором средств. Творчество для него – состояние, а не конечный результат. В быту, в обиходе претенциозен, хотя и адаптируется в любой среде, в любых условиях сравнительно легко. Важным для него является не абсолютное лидерство, а относительное (относительно ближайшего окружения). По ходу разговора отметили одну особенность наших с ним отношений, на которую оба

обратили внимание: часто случай, случайности подталкивают нас друг к другу. Немного мистифицируя, говорили: кому-то в небесных сферах желательно наше общение, и потому он эту свою волю демонстрирует (обнаруживает для нас) репликами («ремарками!» – уточнил А. С.) в виде порой уж совсем невероятного стечения обстоятельств. Воля этого бестелесно-небесного заинтересованного ощущаема мною давно. Мою первую публикацию (и на казахском, и на русском) ускорил А. С. Общаюсь с ним, обретал я вновь казахский язык. Получил много ценнейшей информации этнографического свойства. В западной культуре (не имею в виду музыку) он осведомлен хорошо, но проявляет это свое знание на уровне эффектных перечислений имен, названий, цитат. Западный дух, по существу, чужд ему, ибо глубоко в нем сидит Восток.

5/1.1979 г. Необходимо, пора уже, сменить образ жизни. Всю прошедшую осень утверждался в ощущении своей выключенности из суеты. Подолгу спал (под утро – утомительный полусон, активная, творящая! нечто, работа подкорки), отсиживал положенные собою часы (пять-шесть) на работе, где и вел записи в этой темно-синей тетради, по дороге домой покупал «Вечерку», разогревал ужин и устраивался смотреть TV, почитывал. Иногда зазывал к себе друзей. Не поддался соблазнам что-то для кого-то (официального издания) писать, удержал себя от поездок по приглашению в Москву и еще кое-куда.

В гости ходил в меру. Размеренной и спокойной, короче, была моя жизнь с сентября по январь. Сознательная самоконсервация. Положительное следствие: остаюсь в намерении Книгу написать и в нерасплесканной уверенности в том, что справлюсь с этим. Улеглось волнение, поостыла экзальтированность, неизбежные, во всяком случае для меня, перед серьезной работой. Хладнокровно говорю себе: да, конец мой близок, как только книгу напишу и отпечатаю. Сознательно добивался я этого состояния. Не будь его, истеричность сквозила бы в письме. Теперь – все проще. «У меня нет детей, нет семьи, родных, друзей, коллег и пр. – и не было. Я гость издалека и пора мне в обратный путь. Оставляю речь свою. Чтобы понятной была, говорю о ваших печалях, заботах, боли на языке ваших представлений, понятий, словесных средств». Возможно и другое. Тело еще останется в миру, уйдет только душа. «Телу растерзанным быть предстоит. Душе вознестись к престолу Тенгри. К черной синеве небес – успокоенной. Но пока в согласии живут душа и тело, пора, пора менять покой на иступленье. На то есть право. К ноге, послушная ярость, готовься к бою! Разомни суставы, пройдишь по кругу, бочком, бочком, да припадая (и возносясь), скачками в стороны, резвись, готовься к бою – разум!»

Ну вот. И молитва стоящая мне не под силу. О небо, услышь невнятную, мычащую, обезображенную речь мою. Хочу добра. Принесу себя в жертву. Тюрк я. Один из последних не примирившихся, один из первых, избравший путь войны бескомпромиссной. Дай сна поменьше, и еды – поменьше, и друзей – пореже, и службы никакой. Врагов – пожестче, и времени оставь в обрез. Уйми случайности, избавь от крайностей (да не совсем!), замкни уста мои, свои раскрой.

Уметь говорить «нет!» предельно необходимо не только службам, организациям, органам, но и тем, кто просто рядом, просто близок. Уход – не позиция, а состояние, и потому уходить нужно, не члена – от этого нужно уходить, а вот от этого – не обязательно. Скольжение, постоянный уход, отторжение всего, что

не есть единственная цель и не единственные средства, способствующие ее достижению.

8/1.1979 г. В субботу по поводу О. В. разговаривал с врачом-психиатром. Казах, широколоб, смекающ, уверен в себе. С подтекстом говорил он, перечисляя симптомы ступеней алкоголизма.

Обостренное желание либо быть, либо не быть в обществе друзей. Потеря чувства привязанности к родным. Желание речь держать многозначительную, по существу – резонерскую. Убежденность в собственном избранничестве. Устойчивость идеи-фикс, кажущейся необычайно важной. Ожесточение против условий, препятствующих ее осуществлению, как следствие – протест против строя, общественных организаций. У некоторых – мания преследования, ощущение тотальной агрессивности жизненных обстоятельств против личности. Результат: депрессия или эйфория.

Он говорил не спеша, четко акцентируя каждый пункт. Не оборвал хода мыслей своих и заявил: многие из диссидентов (точнее, сказал он проще и категоричней: диссиденты) не что иное, как алкоголики. Вспомнил и отечественных революционеров: «у нас есть данные, что многие из них злоупотребляли алкоголем». Полагает, что революционный фанатизм – разновидность болезненной идеи-фикс.

Давно с таким глубоким вниманием я не слушал кого-либо.

Все, что он говорил, имеет прямое отношение не только (и не столько!) к О. В., но и ко мне. Да, это я – рвущий с друзьями и ожидающий вестей от них со жгучим нетерпением, я – сознательно выводящий себя из «генетического ряда», любящий речи держать многозначительные и верящий в их насущнейшую для людей необходимость. Это я – болен неизлечимо идеей Нового Турана, я – в глубине души убежден в реальном, многозначительном смысле своего кажущегося абсурдным слово-действия, я – говорящий: «больше никому» и в виду имеющий: «только я могу». Весь свой жизненный путь, все, что было в прошлом, интерпретирую как солидарное, судьбы и моей воли, действие для достижения великой цели (идея-фикс) – избавить дух и мысль советского тюрка от позора и немощи колонизованного состояния. Протестую против строя? Да, конечно, без тени сомнения и колебаний. Последователен ли? – Характером и направленно-стью мыслей своих одержим неотвязно, днем и ночью, в снах и бодрствовании. Любую гуманитарную проблему, любой факт своего человеческого общения воспринимаю в аспекте национальной проблематики. Камни, воды, степь и небо распознаю в единственном ключе – борющимися за честь, достоинство, гордую свободу сознания этноса.

Что впереди – депрессия? Эйфория или – достижение цели?

Против мании слежки, преследования есть у меня иммунитет – презрение, воспитанное с детства. Семья Фатимы всегда была в поле самого бесцеремонного обозрения со стороны органов безопасности. Фатима одолевала ситуацию, избавлялась от напряжения презрением, сочно, колоритно оформляя смысл в не со-всем (не всегда) цензурном слове.

Итак, похоже, что наша психотерапевтическая служба готовится к встрече с «диссидентами», и весьма своеобразным способом: вооружается методикой, которая позволила бы всякому инакомыслящему, бунтующему сознанию приписать симптомы либо алкоголизма, либо шизофрении. По их логике, всякое отклонение

от нормы, всякое инакомыслие – шизофрения. (У экзистенциалистов, как сообщил эрудированный врач-психиатр, шизофрения считается особой формой жизни ума и имеет на этом основании права суверенности.)

Шизофрения подлежит насильственному лечению – вот где зацепка для госслужб, чтобы подавить инакомыслие. Один из приятелей моих запаса, как он говорит, пятью-шестью справками о том, что он в здравом уме. Поможет ли? Наверяд... Круг замыкается: кто запасается справками, подозрителен, боится, значит по их логике, болен и опять же подлежит лечению.

О, если бы правы были наши врачеватели! Не было бы более бунтующей страны в мире, чем Россия с ее колониями. Пьют, пьют везде, крепко, подолгу, изнашиваются, горбятся, деградируют – но не бунтуют. Именно так, обезволивающе, разлагающе действует алкоголь. Так было всегда. Революционеры тут не при чем. Они последовательны. Дееспособны. Выпадают из норм, правил обыденного поведения, но идут на это сознательно, будучи вынуждены к этому интересами борьбы. Идут на лишения, жертвы. Разлука с ближними – всегда лишение, всегда жертва. Дается с болью. Это не развал семьи, а отторжение ее силой невыносимых для мыслящего индивида обстоятельств. Сходство внешнее, по сути – глубочайшее различие.

В нашей ситуации не нужно давать органам формального повода для репрессий. Водку, питье ее следует исключить и демонстрировать это нужно публично.

9/1.1979 г. Если бы удалось 9.07.79 поставить последнюю точку в «Уйти, чтобы вернуться»!

Что для этого нужно?

Сразу же после избавления от кубинца (еду с ним в Чимкент) подать заявление об уходе с работы в СП.

Сумею ли продержаться шесть месяцев без зарплаты?

Накоплений никаких, кроме TV, старого приемника и книг.

Отнесутся ли с пониманием X. и З.?

Как бы то ни было, времени действительно остается в обрез.

Суета все еще агрессивна.

Пока, слава богу, есть здоровье, необходимо засесть за стол и использовать шанс, так долго и многосторонне собою подготовленный. Иду ва-банк!

10/1.1979 г. Ощущаю потребность обратиться к надличностному: с мольбой, скромной просьбой, за лаской и поддержкой, с гневом и яростью, укором, упреком – со словами, теребящими Его призывно и неотступно.

Мне нужен Он. Не рассчитываю на его деятельное участие в моей судьбе, хотя в глубине души допускаю эту возможность (почему бы нет? Разве не чист я намерениями и не я ли – единственный, целиком посвятивший себя утверждению Его пути?).

Не сущность Его мне нужна. На многие вопросы я и сам в меру сил и представлений могу дать ответ. Мне нужно имя Его. Имя Бога моего.

О, Для-меня-безымянный-великий-сострадающий-понимающий-поддерживающий Бог!

Оставайся в завесах туч и моего непонимания, оставайся в небесах, в вещах, частицах, в прошлом и в будущем, в зерне и в прахе, в даях, высотах, глубинах –

где угодно и сколько угодно долго, не яви ни лика своего, но шепни однажды
Имя свое.

*Не нужно дыр
Ушных и ни всеведных глаз.
На твой безумный мир
Ответ один: отказ.*

Так, или примерно так, писала Марина Цветаева.

12/1.1979 г. Ситуация непростая. Ануар был у первого.

В депутаты СССР не прошел. Многие толкуют, что скоро Ануар не станет главой писательской организации. Вздуроражен А. А. «Как крысы с тонущего корабля разбегаются», – говорит о тех, кто рядом.

В этой ситуации мне, конечно же, неудобно покидать тонущий корабль. Но – не очередная ли это уловка игры случайностей, так долго оттягивающей мою встречу с Большим листом?

Ануар мобилизовался. Думаю, и этот раунд он выиграет. Так, кажется, ему и сказали, теми же сакраментально-нестареющими словами: «продолжай спокойно работать». Держат А. в страхе, в панике и жмут: давай современность, хватит истории, истреби все, отдающее национализмом.

Кубинец, приезд его катализатором своеобразным стал. Не припомню случая, чтобы так дружно, с энтузиазмом наши действующие секретари встречали иностранного гостя.

Гостик-то хиленький. Но и подарки ему, и пакетик, в популяризации – все по высшему счету. Знобит и лихорадит джигитов Ануара. Но и боевой огонь в глазах у Саина, подъем у Бекежана, Олжас – активен... выиграют раунд. К тому же там, у тех «решили, что с Ануаром покончено и сцепились теперь друг с другом» (слова кургузого куратора).

Хорош во всей этой ситуации Калау. Деловит, спокоен, где надо – решителен, где надо корректен, деликатен. У него свой курс – на пользу дела, понимаемого им хорошо – по-комсомольски. Мое участие или неучастие во всем этом – практически ничего не решает и, по всей видимости, имеет лишь моральное значение. Отошел – не отошел – вот критерий момента. И это меня забавляет более всего. Случай, когда из чувства товарищества поступаешь фундаментальными планами. Так бывало и прежде... так и должно быть... но сколько можно!

Вновь вплетаться в струи взвихренной суеты, снова с сухим блеском в глазах действовать во власти очередной иллюзии причастности к важному делу. Нет, на сей раз нужно назвать вещи своими именами. Ануар сейчас борется не за гражданскую идею, а за пост. Его джигиты – за то же самое, за место под солнцем. У них есть за что, зубами накрепко вцепившись, биться насмерть. Их книги в планах издательств, их хорошо оплачиваемые, престижные, с персональными машинами служебные посты и масса других явных и неявных льгот – вот что в первую очередь будит в них энтузиазм борьбы. Я был бы с ними, если бы при всем при этом они сражались бы еще и за настоящее, подлинное, гражданское в литературе. Но не так все будет на этот раз: теперь начнется демонстрация своей гораздо большей, чем у оппозиции, лояльности, объектом ответных ударов станут конкретные люди из числа «оппозиции», а не согнувшие и тех и других в духовное рабство условия.

Утвердился в решении уволиться из Союза сразу же после возвращения с юга. Сказал об этом О. С. Он отнесся с таким проникновенным пониманием, что я тут же стал говорить о том, как представляю себе книгу. Созвучное его умонаставлениям было в моих словах, и он понимал. И одобрил. «Нужно высвободить несколько писателей для свободного творчества». Сформулировал то, что инстинктивно называют женщины-матери. «Хотя бы для эксперимента», – не без иронии, хотя и грустноватой, добавил. А дальше пошло характерное: «Колониальное нужно понимать широко. Я считаю, что казахи колонизованы своей природой, укладом жизни. Русские тоже колонизованы своим историческим наследием, своей действительностью...».

Немало слов в том же духе, свидетельствующих о синтетичности в О. С. восточно-западного начал, о синкретизме в мировоззрении его политических и гуманистических представлений. Как предостережение против ограниченности, экзальтированности годится, но мы не минуем стадии политической остроты слов, мыслей и действий своих на пути к подлинному гуманизму. Обязательно вернемся к исходному широкому гуманизму, но проставив в этом движении акценты, перестрадав связанные с этим периоды болезненного, экзальтированного роста.

Отстегнуться по всему шву, колониализм увидеть в конкретном проявлении, не размывая границ его расширительным толкованием, обозначить формы его протестующим, бьющимся в ярости, бунте, противостоянии словом – всего этого не минуем. Драму и светлую судьбу рода человеческого понимать начнем, избавившись от примитивизма, лености ума, неизбежных для тех, кто отстранен от суверенного решения собственных проблем. Пропахшие дымом походных костров и порохом яростных битв – только такими сможем всерьез говорить о гуманизме, о проблемах общечеловеческого содержания.

Ограниченность летящей в цель стрелы сопутствует нам и, право, не так уж это плохо.

Провидцем оказался я. Ануар раунд выиграл. О. С. засвидетельствовал: «Еще вчера А. мог сомневаться, но сегодня уже – нет. Все в порядке». Ну что же, мне – облегчение. Уйду из СП без каких-либо угрызений совести. Что впереди?

Поездка на юг. Обрато – через Мерке. Мешочек с грецкими орехами. Заявление об уходе из СП, с немедленным фактическим уходом. Деньги на квартплату, телефон, электричество на весь 1979-й.

Расторжение связей с хаосом, погружение в космос работы. Полный сон, непрменная зарядка, режим питания, режим работы. Дипломный труд на зрелость национального самосознания в слово-действии индивида. Осознание собственной делегированности: необратимым прошлым, ищущим, терзающимся настоящим, ответственностью перед будущим, луной, меркенским Карасу, макатским Шымұрыном, горами советско-китайской границы, гидами Тадж-Махала, пылью, зноем, древностью дорог и сладким виноградом Восточного Туркестана, многодетными матерями, всепонимающими и ничего не предпринимаящими старцами, молочным запахом младенцев казахских аулов, алкоголизмом, надломленностью, болезнями души и мозга сверстников. Что влечет меня неудержимо? Мой бог – я видел его не раз в горах, на высоких перевалах, когда, раскинув руки, лежал на теплой земле, всматривался в близкое, вмиг густеющее и тут же светлеющее небо. Я видел его круто над собой, являет он себя, когда я недвижим, лежаче-созерца-

телен. Но я человек. Мне свойственно шагать по земле, не запрокидывая головы. Меня влечет мечта увидеть Бога своего спустившимся с зенита на склоны неба, впереди, там, где сойдутся наши пути. Вижу, чуть выше линии горизонта есть мой простор. Там мыслям хорошо. Там предел им в их собственных возможностях, а не в возможностях цензоров, кураторов, немо-глупых собеседников. Туда-то путь свой держим – я и надежды тех, кто из среды своей меня вычленил, выделил, в путь-дорогу собрал.

17/1.1979 г. Ну что же. Осталось несколько страничек темно-синей тетради, так поддержавшей душевное равновесие мое в последнюю осень и в начале последней зимы.

Считанные дни – и я выхожу на просторы Большого листа. Ни зим, ни весен, ничего не будет, если надломлюсь в пути, будет бесконечный серый день для души, тусклый, с вероятным скорым обрывом для тела. Будет яркий, яростный, ликующий долгий-долгий день, если книга выпишется.

Добрый знак послала мне судьба. Связано это с поездкой на юг, вместе с Вальдо Лейви, хорошим поэтом, гуманистом, пугающимся всякого ложного пафоса, ищущим человеческое в людях и тонко умеющим улавливать многое в людях и обстоятельствах. Съездили с ним в Туркестан к Ахмеду Яссави. Холодно, холодно было там. Устойчиво это: в святых местах колонизованность со всем многоликим маразмом ощутима явственней, и не только по причине контраста, а и потому, главным образом, что там она действительно живет как сознательное действие определенных сил.

Плохо Яссави. Нездоровый, злобноватый гул тревожит его прах. Там много злодейства преднамеренного и много консервируемого, ничем не развенчиваемого невежества. Холодно и неуютно было там. Хотя, конечно же, есть, бесспорно, положительные сдвиги: имеет будущее зал истории тюркских письменных памятников. Но нездоровья больше.

На Вальдо поездка произвела глубокое впечатление. «Одинокая арча» – так назвал он поэму, фрагмент которой днем позже прочитал. Чутко улавливает своеобразие казахской образности. Исраил, и Насреддин, и Олег – все руководство отделения тамошней писательской организации хорошо себя держали и вели. Доброе гостеприимство.

Уникален в умении хорошо принять гостя, конечно же, дом Ж. Шетабаева. Там было все: и человек, и этнос, и ритуалы, широта национальной натуры. Не омрачила моего восхищения Ж-ом и некая деталь: просьба подыграть ему в его внутренней, тамошней борьбе. Непосредственно он сделал это, и я ему помог.

И началась серия добрых знаков судьбы: в огромном Ташкенте, не зная города совершенно, мы точно выехали к зданию СП Узбекистана. Передали Вальдо узбе-кам. На обратном пути в Чимкент я впервые в жизни отведал огромную чашу теплой бузы, и на весь долгий последующий путь желудок мой был удовлетворен.

На автостанции времени хватило ровно настолько, чтобы, купив билет, успеть перекусить. Заснул в автобусе надолго, проснулся перед Джамбулом, где предстояло пересесть с «Чулак – Курган – Джамбул» на «Джамбул – Алма-Ата». Не покидало ощущение, что что-то непременно случится с нами в пути, и – старое: «Со мной все ясно, но другим-то за что?»

Впрочем, рассудок диктовал свое – в Мерке не остановишься, не у кого, в Алма-Ате ждет тебя теплый дом. Смирился я. И только в полусне пытался увидеть внутренним взором горы, поля, сады, дома окружая Мерке.

18/1.1979 г. На какой-то остановке в автобус вошла полная, плотная женщина и разместилась рядом со мной. В полудреме спросил ее: где мы? Коротко всхотнула: «А и сама не знаю. Приехали мы сюда из Луговой». «Плохо, – подумал я, – проехал Мерке и не заметил». И вновь ушел в совсем уже печальный полусон. Встрепенулся от шума громких, возбужденно протестующих голосов. Оказалось, переписчики (перепись 79-го года) остановили автобус и предложили всем пройти на автостанцию, на процедуру переписи. И еще раньше, чем увидел глазами, почувствовал, радостно, торжествуя: в Мерке находимся. Деловитые переписчики подгоняли, торопили сонных, раздраженно протестующих пассажиров. Сплошь – казахская команда.

В кои-то веки выпала власть задержать автобус дальнего следования, обычно проносящийся мимо высокомерно, задержать автобус и, прикрикивая на пассажиров, диктовать им волю – не какую-нибудь – государственную, ощущая за спиной мощь государства, могущество ощущая стоящего за спиной и свое собственное, выпавшее в кои-то веки на час-другой.

Покрикивали казахи, сурово, слегка куражась, наслаждаясь редчайшими минутами власти-в-своих-руках. Пассажиров это раздражало. Мне забавно было на все это смотреть. И радостно: в Мерке находился! Да, это и есть моя малая родина. Волею своею привела меня. Мощь свою продемонстрировала властно, без кокетства, сусальных церемоний. «Ты – мой!» – и нагнала в морозно-ледяную полночь комично-важных казахов «при исполнении», пристегнула к месту монстра дорог «Икарус», остановила, переиначила время, широкую щель в нем распахнула, откровенно, недвусмысленно явила себя в полном голосе, уверенной, гордой стати. «Я есть. Ты – мой. Я – с тобой. Действуй!»

Так было. Нечто подобное я предошущал, но не мог, конечно же, предположить, что все будет так обезоруживающе и так мобилизующе откровенно. Это уже и не знак судьбы, не намек игрой случайностей, а прямой призыв, требовательный, не допускающий ни возражений, ни возможностей иных толкований происшедшего. Благодарю тебя, мой безымянный, за прямоту нрава твоего.

В бой иду собранным, без суеты, без тени сомнений.

В Мерке дали справочку мне, что там, а не где-нибудь, в 00 часов 17 января 1979 года я прошел процедуру переписи. Тучный, высокий казах, видимо, учитель школы, заполнявший анкету, раздавлен был с ходу тяжестью моей фамилии и во время ответов моих на вопросы не поднимал глаз своих в забавных очках, сползавших на самый кончик носа, противоестественно маленького на крупном, полном, смугло лоснящемся лице. Отмолчался, затаив дыхание, и в ответ на мое тихое признание: здесь я родился, в Мерке. Рядом с ним сидел безбородый, гладко выбритый старик, типичный сельский полуинтеллигент, в коих самозабвенное приятие практики КПСС причудливо смешано с шежире и шариадом. Он что-то внезапно припомнил, выразил это полувозгласом, да так и замер с открытым ртом. Не открылись эти люди мне, как открылась моя великая малая родина.

